

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА
«СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

НИКОЛАЙ КАЛИНИЧЕНКО

КАШАЛОТ

стихотворения

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2013

Калиниченко Н.
Кашалот. *Стихотворения.*
М.: Вест-Консалтинг, 2013. – 40 с.

ISBN 5-86676-034-7

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

- © Калиниченко Н., текст, 2013
- © Харитоновъ Е.В., предисловие, 2013
- © Союз литераторов России, идея издания, 2013
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2013

«МЫ ЗДЕСЬ!»

Русская поэзия начала XXI века в большой «актуальной» массе своей очень филологична и герметична. Николай Калиниченко пребывает вне этой массы. Он, пожалуй, мог бы литературно состояться в 1960-е, когда физика и лирика, вконец отспорившись, образовали прекрасный культурный симбиоз. Николай вот тоже воплощение «практического» и «гуманитарного». Он проектирует мосты, пишет стихи, публикует фантастическую прозу, выступает как литературный критик, добавим сюда и его вдохновляющую активность в сфере организации литературного процесса. Идеальное же сочетание для шестидесятника: фантаст-поэт-инженер! Сам себя он нередко так и рекомендует: «Инженер-литератор».

В поэзии Николай, кстати, тоже как-то «счастливо неактуален», не вписан в контекст «новейших тенденций» поэтического высказывания. Ему вполне комфортно в «консервативной» актуальности классической силлаботонической традиции, которую он щедро вымачивает в неоромантизме эпохи информации (что и не случайно, поскольку Н. Калиниченко еще и участник московской «литбанды» поэтов-информантиков). Твердое следование этому канону подтверждает и новая, вторая по счету, стихотворная книжка московского поэта.

В версификации он и в самом деле ловок и точен, не позволяя себе рифмованной расхлябанности, рыхлости строф. Но, будем откровенны, ловкая рифмовка не делает стихотворение фактом Поэзии. Рифма – это техника стиха, которой можно обучить практически любого. Умением рифмовать легко можно обмануть неподготовленного читателя. И мы знаем сонмы публикуемых, «белоконных» престиждитаторов стиха, заваливающих журналы, сайты и литсалоны килограммами публицистики, прозы, чего-то еще, по недоразумению записанного в рифму. Но ведь Поэзия – это не рифма, не форма аккуратного текстового столбика. Поэзия – другое. То, что по большому счету нельзя *убедительно* научно доказать. Поэзия – это то, что нельзя пересказать прозой. Это то, что не обязано быть простым, понятным и «душевным». Поэзия – это по-

эзия. И тут уж неважно – «стихотворение в столбик» перед нами, палиндром или верлибр. Ну, вот как запишешь прозой вот эти строки Николая!: «Забыта прежняя степенность, / И, словно грёза наяву, / В зенит стремится современность, / Оставив старую Москву, / Как люди оставляют детство, / А мы не в силах повзрослеть / И делим ветхое наследство / За домом дом, за клетью клеть». Или такое почти бурлюковское: «Когда ты ходишь, беремен небом, // А всем плевать, потому что сыты».

Калиниченко – очень московский, очень городской поэт. Для него, коренного москвича, выросшего на Арбате, Москва – не большая хабальная деревня, порченная многоязычным дикокультурием. Его Москва – это Зона Жизни, где живут люди. Человеку может и должно быть хорошо там, где есть другой человек. Потому что поодиночке мы гибнем. Потому что «Мир, как ребёнок, жаждет нашей любви / Жаркой, телесной, с привкусом молока». Простая, но незатертая мысль, струящаяся сквозь все тексты Николая. Поэта, конечно же, пугает стремительное обездушивание города-Жизни: «Эфирное тело – в полет / Астральное – следом за ним / А Нам – обжигающий лёд / В коктейлях сапфировых зим. // А нам тротуарная соль, / И город, что вечно спешит, / И злая фантомная боль / На месте ушедшей души». Он пытается противостоять, сопротивляться банальности, неизбежности энтропии человеческой души, упрямо утверждает иные ценности, буквально выкапывая в опустошенном человеке современного города лучшие качества. Как заклинание он бросает в мир отчаянное и гордое: «Я есть! Вы есть! Мы здесь! / Мы здесь. ЗДЕСЬ...».

Вот эта редкая для поэзии нулевых уверенная позиция утверждения Жизни, этическая недвусмысленность и, что ОЧЕНЬ важно, небрезгливое отношение к человеку современному, – дорогого стоят.

Ну, и конечно же, немаловажное: перед Вами сборник замечательных стихов. Здесь есть Поэзия.

Евгений В. ХАРИТОНОВЪ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Проснулся утром неожиданно трезвый.
На улице солнечно и, должно быть, жарко.
Поджарил хлеб и сквозь дырку в ломте отрезанном
Уставился на включенную кофеварку.

И тут в голове словно вспыхнула лампочка,
Пропели индейские барабаны.
Где-то там снаружи влюбляются ласточки,
Встречаются великие океаны.

Там трубят в саванне слоны могучие.
Ветер пахнет миррой и дышит ласково.
Там вонзает черный кавалер-туча
Бутоньерки молний в лиловый лацкан.

И в окружении этого удивительного где-то,
Городов под водой и знамений в небе,
Тихо и безмятежно на станции «Сетунь»
Дремлет ребенок в материнском чреве.

Вот такое пришло ко мне озарение,
Утреннее, солнечное и неожиданно трезвое:
Самое важное – это точка зрения
Или просто дырка в ломте отрезанном.

ПЯТНАШКА

Я раньше ездил на «пятнашке»
До стадиона Лужники.
Смешная синяя букашка
Скребла рогами проводки,
И вдоль пречистенских ампиров
Неторопливо, но легко,
Она влекла меня по миру.
В салоне пахло коньяком,
А может, пивом... даже водкой,
Не так уж важно чем спастись,
Когда над МИДовской высоткой
Такая солнечная высь,
Что хочется небесной рыбой
Доплыть до звездной глубины.
Лишь граф Толстой гранитноглыбый
Не внял влиянию весны.
Завидев хлеб, взлетают птицы
С его изваянной скалы.
Над пробужденною столицей
Летит победное «Курлы!»
Ах, этот хор многоголосый!
И по сей день звенит в ушах,
Когда забвенья пар белесый
Ровняет все на пыль и прах.
Забыта прежняя степенность,
И, словно греза наяву,
В зенит стремится современность,
Оставив старую Москву,
Как люди оставляют детство,
А мы не в силах повзрослеть
И делим ветхое наследство –
За домом дом, за клетью клеть.
Устало меряем шагами,
А если нужно и ползком.
В салоне пахнет стариками
И лишь немного коньяком.

МИГРАЦИЯ

Эфирному телу – эфир,
Астральному телу – астрал,
А я потребляю кефир,
Когда тяжело по утрам.

И если кефира нема –
С лимоном и сахаром чай.
На стеклах рисует зима
Узорчатый, пряничный рай.

И мысль, как похмелье, проста:
Минюя убогий подъезд,
Бежать к настоящим местам
Из утлых неправильных мест.

Без виз и загранпаспортов,
Без алчных таможенных служб
От пристаней тонких миров
Стартует миграция душ.

Эфирное тело – в полет,
Астральное – следом за ним.
А нам – обжигающий лед
В коктейлях сапфировых зим.

А нам тротуарная соль,
И город, что вечно спешит,
И злая фантомная боль
На месте ушедшей души.

ПОСЛЕДНЕМУ КОРОЛЮ

Под стенами замка по лицам камней
Струятся одежды гор.
Туман таится и ждет на дне
Средь мха и мышиных нор.

Но только вспыхнет последний пик
В святом закатном огне,
Встает тумана седой старик
Навстречу юной Луне.

Она прекрасна и так свежа
Уже миллионы лет,
А он напрасно стремится сжать
Ее невесомый свет.

Но в этом стремлении он так велик,
Что может укрыть собой
И лес, и скалы, и замка клык,
Поднявшись к небу в единый миг,
Как берег морской прибой.

Прекрасные замки король воздвиг,
Хоть не было в них нужды.
Забывтая доблесть из старых книг
Питала его мечты.

На диком камне в лесном краю,
Где только олень бродил,
Изящные башни легко встают,
Белее лебяжьих крыл.

Печальную участь обрящет тот,
Кто к миру встает спиной.
Король повержен, и двери вод
Сомкнулись над головой.

Погиб романтик, пророк, поэт,
Пришло дельцов торжество.
И все же, как остров в потоке лет,
Даря потомкам надежды свет,
Сияет мечта его!

ПОЛЕТ В МЕТРО

Рожденный ползать летать не может, –
Сказал и сам себе не верю,
И как поверить, когда под кожей
Зреют курганы жемчужных перьев.

Когда ты ходишь, беремен небом,
А всем плевать, потому что сыты.
Ты бьешь по ним обнаженным нервом.
Они опускают забрака быта.

А небо жжет и горит в гортани,
Квадратное, острое небо смыслов.
Рожденный ползать – и вот летаю
Орбитой мечты облаками высланной.

Очнулся на миг, под крылом планета.
Понедельник, утро, в метро тесно.
Граждане, уступите место поэту!
Будьте людьми, уступите место.

АЛЬБАТРОС

Над морем туч чернеющий колосс
Стягает молний пламенные всходы.
Парит крестообразный альбатрос,
Благословляя сумрачные воды.

И нет на берегу укромных мест,
Лишь на холме, угрюмом и покатом,
Кресту живому рукотворный крест
Дарует свет увядшего заката.

Внизу дыханье тяжкое зыбей,
В зените звезд незримая живица.
Ужель погибнет, канув средь камней,
Не сладит с бурей, солнечная птица?

Но даже если рок рассудит так,
Черед придет, и тело станет пылью.
Навстречу шторму, рассекая мрак,
Другой защитник расправляет крылья.

КАШАЛОТ

В глазах кашалота протяжная гаснет мысль,
Пока он недвижимый лежит в полосе прибойа.
Взлетают гагары, и волны целуют мыс,
И небо над пляжем пронзительно-голубое.

На шкуре гиганта отметки былых побед,
С тех пор, как спускался, подобьем Господней кары,
В крошечную бездну, куда не доходит свет,
И рвал, поглощая, бесцветную плоть кальмаров.

Вот снасть гарпунера, что так и не взял кита.
Вот ярость касаток, кривые акульи зубы
И старый рубец, что оставила самка та,
С которой гулял подростком в районе Кубы.

Он видел вулканы и синий полярный лед,
И танец созвездий над морем в ночи безлунной,
Беспечный бродяга холодных и теплых вод,
Как знамя над хлябью свои возносил буруны.

Но странная доля, проклятье больших китов,
И в этом похожи с людскими китовьи души.
Владыкам пучины, как нам, до конца веков,
Из вод материнских идти умирать на сушу.

Взлетают гагары и волны целуют мыс,
Заря безмятежна, а даль, как слеза, чиста.
В небе над пляжем упрямо штурмует высь
Белое облако, похожее на кита.

ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ

Нездешний дождь к земле деревья гнет,
Даруя лесу бледную корону.
Танцует светлый мальчик – Новый год –
На ледяном крыле антициклона.

Под грузом новорожденного льда,
Как нерестом истраченные рыбы,
Стоят в портах воздушные суда,
Которые взлететь еще могли бы.

Но нет движенья, жизни, света нет
В округлых окнах темных фюзеляжей.
Врата небес закрылись без примет,
Колеблет ветер черные плюмажи

Полночных туч, и кажется вот-вот,
Неотвратимо, веско и незримо
На городской бетонный эшафот
Обрушится пята Иэлохима.

И мы кричим Незримому: «Постой!
Не торопись. Мы поняли примету!»
Аэропорт несправедно пустой
Мы призовем немедленно к ответу.

Мы разожжем огней причальных свет,
Огонь на взлет немедля запалим мы,
Наш самолет взойдет, ровняя след,
И курс возьмет на юг, к Иерусалиму.

Уйти волхвом в далекие края,
Лицом к Звезде тропюю позабытой,
Чтоб в темном храме, Родина моя,
Просить тебе опоры и защиты.

А после влившись в суетный рабад,
Вдруг услышать из радио на полке:
«В Москве мороз и легкий снегопад.
Детей влекут рождественские елки».

ТЮРЕМЩИК

Зачем мне этот пламенный напор,
Оправа Моисеева куста?..
Я знаю, чем неистовой костер,
Тем гуще и чернее темнота.
Страшусь его, держу его внутри,
Заветных слов креплю тугую вязь,
Но всякий раз шепчу ему: «Гори»,
К стене темницы тихо прислонясь.
А он ревет и бьется в тенетах,
И жилы рвет, оковами звеня,
Струится в кровотоках-желобах
Бурлящая субстанция огня.
Опять я заключу ее в фиал,
Прозрачный, как полярная вода,
И повлеку дорогой между скал,
Который раз спускаясь в города.
Потребен людям жар моей души,
Он хворых от болезней исцелит,
Заплоты льда на реках сокрушит,
Над хлябями проводит корабли.
И буду я увенчан и любим,
Как бог, дарящий таинство огня,
И станет праздник, и курений дым,
И в храмах песнопенья в честь меня.
Но отвергая жертвенный елей,
Скажу жрецам, явившимся ко мне:
«Я лишь тюремщик ярости своей,
Вы полюбили отблеск на стене».

ВАЛЬС ЛИСТА

Тяжелый, как надгробная плита,
Уродливый Морфей анабиоза.
Над кораблем сияющие звезды.
Над звездами зияет пустота.
Белковой жизни хрупкая тщета,
Укрытая в скорлупке техногенной,
В торжественном вращении вселенной
Я словно лист, сорвавшийся с куста
Сирени... И кружу в потоке пенном
Межзвездный вальс упавшего листа.

ПАРИЖСКИЙ ЭКСПРОМТ

Не будет на сердце печали,
Лишь тихая, светлая грусть,
Когда над беспечным Пигалем
Я сизым дымком вознесусь,
Чтоб видеть, как ближе и ближе,
Растратив себя, не щадя,
Ударится в крыши Парижа
Хрустальное тело дождя,
И туч обескровленных хлопья,
Пронзая, как ветхий шатер,
Святые небесные копыя
На белый падут Сакре-Кер.
Случайный прохожий-зевака
Не сдержит внезапную дрожь,
И станет тихонечко плакать,
Жалея истаявший дождь...

УПЫРИНОЕ УТРО

Разгулялась осень листопадная,
И прозрачен нынче лунный свет.
Здесь святых хоронят за оградами,
Потому что в центре места нет.

Любопытный бес к ограде чалится,
Водит рылом в поисках души.
Только жизнь упрямо не кончается,
Ну а смерть привычно не спешит.

Я гуляю кладбищем простуженным
Накануне пасмурной зари.
Здесь лежат служаки и прислужники,
Секачи, вампиры, упыри.

Лишь забрезжит утро, встанут бодрые,
«Трогай милый!» – ласково велят.
Экипажи глянцевые, гордые
От гранитных склепов полетят.

И рассыпят отблески холодные
Синие тревожные огни.
Едут к нам избранники народные.
Полюбуйтесь, люди, вот они!

Катят с воем улицами длинными,
Стружку птиц снимая с мокрых крыш.
Яростные буркала совиные
Жадно смотрят в треснувшую тишь.

Где несет повинность магазинную
Утлого людского бытия
Угольная, хлебная, бензинная,
Золотая Родина моя.

Ты не слушай слов моих, кормилица, –
Светлая, застенчивая Русь, –
Я не ангел, если посчастливится,
Наскочу и мигом присосусь!

Чтобы есть и пить тебя, привольную,
И вставать из гроба на заре,
И гулять, покуда войско долнее
Не растопчет утро упырей.

ЗДЕСЬ

Мир, как ребёнок, жаждет нашей любви
Жаркой, телесной, с привкусом молока.
Не великой, не на века,
Не пиком, взмывающим под облака,
А просто птахой в руках. Лови!
Мир наше тепло. Коло-
Вращайся планета! Птицы летят к рассвету
Сквозь звездную взвесь. В клювах благая весть:
Я есть! Вы есть! Мы здесь!

Мы здесь. ЗДЕСЬ...

СОЗВУЧЬЯ

Тело липы делило церковь,
Но неделима церкви свеча.
Я на прогулку проулком гулким,
Шагом неспешным топчу печаль.
Мелкие грусти – конфетный хрустик.
Длинные сплины клином сапог.
Стресс, апатия, обид братия
Мне на каблук, на один зубок.
Цок-цок-цок.
Мимо машины нишами шума,
Кошки шныряют, листву шевеля,
Солнце – оконце небесного трюма,
Сонная Шамбала башен Кремля.
Шомпол Ивана стражем налажен,
Вечным дозором вечер встречать.
Сверху из Гугла, ладится кругло
К Русской равнине Москвы печать.
Ать-два-ать.
Запах особый мягкий и сдобный
Ляжет на лапы Гоголя львов.
Сквером тенистым скверна туристов,
Буча гремучих, скученных слов.
Выйду навстречу, раздвину плечи:
«Здравствуйте, граждане важных Европ!
Раз вы с оказией здесь в Евразии,
Я покажу вам неведомых троп!»
Топ-топ-топ.

СКРЫТЫЙ ОГОНЬ

В старом парке листва на аллеях не убрана,
Бедрa стройных осин в паутинных сетях.
По распадам лежит черно-бурoю умброю
Одинокий бродяга, дождливый октябрь.

Он гуляет, укpывшись под ветхими шляпами,
Нацепив беспросветный полночный жакет,
Из-под шляпы вороны дегтярными каплями
Осыпаются в поздний, холодный рассвет.

И не знает никто, что в беседке обшарпанной,
В самом сердце осеннего волглого дня
Незамеченный ангел объятами жаркими
Сохраняет частицу живого огня.

Я встречаю людей отстраненных и сдержанных,
И печать на устах, как замки на дверях,
Но горит у иных под прикрытыми веждами
Потаенный и вечный огонь октября.

ПИЦЦА-ПОЭЗИЯ

Пицца

В коконе прогорклом никотиновом,
В стареньком потертом пиджаке
Шел поэт дворами и квартирами.
Шел один, без музы, налегке,
Во дворах сугробы тлели рифами,
Оттепель облизывала льды.
Он плевался скомканными рифмами
В черные отверстия воды.
И от рифм, как бесы от причастия,
Разбегались живо кто куда

Грязные столичные несчастья,
И тогда светлела темнота.
А поэт гулял себе, отмеченный
Светом кухонь, запахом пивных,
И ему навстречу были женщины,
Но поэту было не до них.

Большая Пицца

Он искал пристрастно, жадно, искренно,
Верил, что живет в Москве одна
Вечная немеркнущая истина,
Слаще меда и пьяней вина.
Он прошел Арбатом и Остоженкой,
Пил в Филях и в Тушино бывал.
На Таганке ел коньяк с мороженым,
На Тверской просил и подавал.
Тасовал метро пустые станции,
Выпил все и всех перетусил,
А потом устал, сошел с дистанции,
И обратно женщин попросил.

доп. черри

Он, как книги, женщин перелистывал,
И уснул у лучшей под крылом,
А его ненайденная истина
Ела суши рядом, за углом.

доп. моцарелла

Паладины истины ретивые,
Потружусь отметить вам мораль:
Алкоголь и кокон никотиновый
Помешали поискам.., а жаль.

ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Легла божественная Нут
Над землями Кемет.
Живот и бедра, дивный спуд
В мерцании планет.

Изогнут ночи тонкий стан,
И рот полуоткрыт,
Волос чернильный океан
Коснулся пирамид.

Внизу струится древний Нил,
Тростник во тьме растет,
И видит сон, уткнувшись в ил,
Могучий бегемот.

Рамзес выходит на балкон
Без стражи и венца.
Горит угрюмый Орион
Над крышами дворца.

Его огни, как тайный знак,
Тому, кто посвящен.
Вздыхает призрачный Карнак
И видит фараон,

Как на темнеющей волне
Танцующих стрекоз
Плывет к балкону весь в огне
Корабль забытых грез.

От палисандровых бортов,
От носа до кормы,
Он полон заповедных снов,
Смущающих умы.

Поддержит лишь на краткий миг
Балкона парапет
Стопу владыки всех владык,
Идущего на свет.

Рамзес займет высокий трон,
Отдаст приказ гребцам,
И устремится фараон
К мерцающим мирам.

А во дворце великий стон
И плач, и скорбный крик.
Ушел навеки фараон,
Властительный старик.

Тщедушный, маленький, седой,
Оставленный ковчег,
Забывтый храм, сосуд пустой,
Обычный человек.

Душа, приемля путь отцов,
Прольется из глазниц.
И станут тени черных псов,
И тени мудрых птиц.

Апоп недвижим, путь отверз.
К великому судье
Плывет со слугами Рамзес
В сияющей ладье.

Но что случилось? Бог смущен,
С весами не спешит.
Ужель великий фараон
Имеет две души?

Одна – послушно предстоит,
Покорная земле.

Другая – в космосе летит
На звездном корабле?

В смятении древний пантеон,
И знает лишь ответ
Один охотник Орион,
Но он не скажет. Нет.

И будет ночь являться в срок,
Сменяя свет дневной.
Струится годы, как песок,
В клепсидре мировой.

Забыты боги Та Кемет
И древний их закон,
Но, как и прежде, дарит свет
Созвездье Орион.

И, споря с вечной темнотой,
По венам звездных рек
Плывет беспечный и святой
Обычный человек.

ТЕМ, КТО В ПУТИ

Не зажгу я на башне огня,
Света здесь мне довольно. И, впрочем,
Нет пристрастия к письму у меня,
Только россыпь искрящихся точек.

Льдистый бисер далеких миров
Я слагаю в привычные знаки.
Украшают небесный покров
Скорпионы, слоны и собаки.

Отверзая завесу времен,
Освещая идущим дорогу,
Эти контуры – первый закон,
Книга странствий, открытая богом.

Капитан, пронцающий путь,
Караванщик в безводной пустыне,
И паломник, чья гордая суть
Так пристрастно взыскует святыни-

Все мы братья сплетенных стезей
В этом мире прекрасном и грозном,
Как нагое дитя по росе,
Безоглядно бегущие к звездам.

БЕЛЫЙ СТИХ

Я белый, как мел на беленой стене,
Как белая трещина в белой Луне.
Я белый, как крем над кофейною пенкой,
Такой же, как вы, но другого оттенка.

А люди хохочут, они для меня,
Как белые ночи для белого дня.
Похожи и все же встречаются по коже
За кожи несхожесть кляня и браня.

Скажите мне, белые стены дворцов,
И белые бороды всех мудрецов,
Зачем в убеленном белилами мире
Я словно закуска на пире отцов?

Быть может мне стоит окраску сменить?
И белую сказку на быль заменить?
Не белой вороной, но белой совою
В белесом безмолвии бело парить.

ИЛЛА

Жаркая полночь короткого лета.
На полуслове оборвана песня.
– Милый! Во сне я видала ракету!
Яркую точку в бархатной бездне.

– Полно, любимая. Спи до рассвета.
Это лишь морок, бесплотный и стылый.
Надо же слово какое: «ракета»!
Ты фантазерка, прекрасная Илла!

– Милый, я знаю от синей планеты,
Дома далеких неведомых братьев,
Голубоглазый хозяин ракеты
Явится скоро, раскроет объятия.

– Пусть твоих снов не тревожат, родная,
Сказки пустые о синей планете.
Нет ничего, кроме нашего края,
А в пустоте только звезды и ветер.

Слушай, а может, ты просто устала?
Хочешь – я кликну крылатую стражу?
Мы полетим над широким каналом
В город фонтанов и радужных башен!

– Нет, я останусь. Лети, если хочешь.
Сон от усталости лучше излечит.
Так коротки марсианские ночи,
Утро сулит небывалую встречу.

– Хватит! Довольно! Я знать не желаю
Глупых фантазий и снов бесконечных!
Слышишь? Я строго тебе запрещаю
Помнить слова небывалых наречий!

– Как мне забыть эти синие очи?
Черные волосы, крепкие руки?
Он приземлится этой же ночью,
Там, за каналом, в долине на юге.

– Больше я это слушать не стану!
Нынче же утром закончатся сказки! –
Вспыхнул в мерцающем свете фонтана
Отблеск железной охотничьей маски.

* * *

В чашу янтарную падают слезы,
Мертвое море безмолвно и голо.
Слушает Илла, как гулко и грозно
В роще гудят марсианские пчелы.

СКРИПАЧ

Старый еврей водой наполняет таз,
Длинными пальцами давит тугой рычаг.
Брови густые, сеть морщинок у глаз.
Лето. В городе нет работы для скрипача.

Улица пыльная небо плывет над ней.
Ветви акации держат скорлупки гнезд.
Птицы ушли к морю искать людей.
Ворота открыты, стража бросила пост.

Старый еврей наполнит таз до краев,
Поднимет с трудом, неспешно пойдет назад.
Ветер прошепчет: «Здравствуй, почтенный, Лев».
Он не ответит, даже не бросит взгляд.

Бражником с губ не шелестнет «шалом».
Незачем людям духов благословлять.
Жидкость в тазу – чаянья о былом.
Только б дойти, только б не расплескать.

Улицей узкою мимо пустых окон,
К башне на площади, там, где растет орех.
Жидкость в тазу – мыслей живой огонь.
Он пронесет, он принесет за всех.

Мертвое русло, пыли сухой ручей
Будет поить, капли грязи презрев.
Жизнь это солнце, ярче любых свечей!
Жизнь это слово «Аэ... Аэ маэф!»

Дрогнет земля, встанут ростки голов,
Плечи и руки закрепощенный прах.
«Здравствуй, отец! Здравствуй, почтенный Лев!»
Небо над ним, скрипка в его руках.

Выйдет мелодия дикий, шальной гопад.
Тучи закружатся, грянет внезапный гром.
Ветхие крылья – старый его пиджак
Пряди седые тронутые дождем.

Длится и длится звуков и капель вихрь,
Бурно вздымается грива живой реки.
Видишь ли, мастер? Слышишь ли голос их?
Мягких ладоней глиняные хлопки.

* * *

Когда Селена в небе высоко,
И понта шум становится чуть тише,
Прислушайся. Быть может ты услышишь:
Страдает флейта ветрено, легко,
И проступают призрачные крыши,
На фоне звезд. Из глубины веков,
Глядят они и шепчутся и дышат,
Дворцы, сады, лачуги рыбаков,
И старый храм спокоен и возвышен,
Как стражник на пороге вещей снов.

Херсонес 2003 г.

* * *

Крыши вышиты бисером.
А облака в небесах!
Словно бы кто-то выстирал
Белые паруса!

Новой весной пронизанный,
Снег отряхнуть спешит,
Город шуршит карнизами,
Шпилями шевелит.

Улицы лицами полнятся,
И в ожиданье тепла,
Гроздьями солнц клонятся
Спелые купола.

Бронзовый гений площади,
Старый насест голубей.
Ты улыбаешься лошади.
Кляче литой своей.

Так в океане беспечности
Вся рукотворная твердь
Тихо смеется вечности,
Имя которой – жизнь!

Москва 2006

ЗНАКОМЬТЕСЬ: МЕТРОМТ!
(экспромт, родившийся в метро)

Прижав плечом свой сотовый к щеке,
Она ему твердит о чепухе,
О том, что глупо ездить на метро,
О том, что это мелко и старо,
Что ничего прекрасней в мире нет,
Чем красный БМВ-кабриолет.
Красива, обаятельна, нежна,
Конечно, стоит лучшего она,
Чем в свете электрических лампад
Спешить на невеселый променад,
И по тоннелям в обществе терпил
Лететь во тьму без смысла и без сил.
А он молчит, он знает глупость слов
Сик транзит, детка, просто мир таков,
И прячет шепот плюшевой вины
В шуршанье телефонной тишины.
И платиновый локон улучив,
Подземный воздух, как морской прилив,
Качает на невидимой волне
Ее мечты о резвом скакуне.

ОНИ

Не улыбайтесь, прошу вас, не улыбайтесь!
Соберите волосы, говорите, как можно тише.
Ради бога, не смейтесь! Не выделяйтесь.
Слейтесь с толпой, а не-то вас могут услышать!

Они спускаются в город поближе к ночи,
Рыщут по улицам, ищут счастливые лица,
Тех, чье свечение ярче и чище прочих.
Если заметят – уже невозможно скрыться.

Они обступают, зовут остальных на расправу,
Бледными лентами тянутся из подворотен,
Шепчутся, гаденько липко, чуют забаву,
Завсегдатаи кладбищ, музы чумных полотен.

Их встречали Брейгель, Гофман и Данте,
Мрачный Иероним рисовал их углем с натуры,
Блок боялся их и прятал среди метафор,
Жуткий призрак в тени мировой культуры.

Будьте сдержаны, манерой и речью схожи.
Не пишите стихов, рисовать никогда не пытайтесь!
Может случиться, чаша вас минет. И все же...
Не улыбайтесь, прошу вас, не улыбайтесь!

* * *

У худых стариков заострившиеся носы,
Ноздри огромные, как раструбы пылесосов.
У худых стариков лохматые, злые псы,
И вонючие, дешевые папиросы.

В их квартирах накурено и как-то всегда темно,
Тени прожитой жизни, привкус валокордина,
Черно-белые фото, повенчаные стеной,
Неопрятные книги, не стиранные гардины.

Им в дождливые ночи суставов немой протест:
Сколько можно уже, дуть на воду, дышать на ладан,
И вздыхая тащить эстафетный, тяжелый крест,
Верить в первый канал и в мае смотреть парады.

Их не любят родные за резкость и буйный нрав,
За нелепую веру в законы фамильной чести.
Все открытки и письма, рецепты целебных трав,
Смесь сыновнего долга и грубой, натужной лести.

Но прямая спина не согнется под гнетом лет,
Точно древние башни на фоне панельных зданий
Сберегают они мягкий, лампадный свет
Пережитого счастья в оправе воспоминаний.

Не измерить вселенной, неровной линейкой строк
Пропади они вовсе и может быть станет лучше,
Но хранит отчего-то рассеянный добрый бог
Их скрипучие, отдышливые души.

ВИНО И ЧАЙ

Хорош бокал, наполненный вином,
И черный чай, густой и ароматный,
В тот час, когда березы за окном
Блистают позолотою закатной.

В квадратном тигле плавится руда
Былого дня,
Что больше не вернется.
Я пью вино и, кажется, что солнце
Неспешно погружается в меня.

Горячий шар небесного огня
В груди моей
Созвучьями сочится.
Вселенная нанизана на спицы
Неистовых пылающих лучей.

Черта людей, пожаров и свечей –
Гореть вот так
И меркнуть, догорая.
Небесный челн спешит к воротам рая,
Оставив миру первозданный мрак.

Вздыхает город, облаченный сном,
Но даже в этой ночи непроглядной
Хорош бокал, наполненный вином,
И черный чай, густой и ароматный.

ДРУЖБА НАРОДОВ

Русь святая-испитая, поднимайся из грязи!
Едет, едет из Китая император Мин Фу Цзи!

Попирая панораму, он летит над самым БАМом,
Обгоняя поезда,
Словно дивная комета, над ликующей планетой
Реет чудо-борода.

За владыкой мчится стража – брови черные, как сажа.
Из ларцов на всем скаку,
Точно карты из колоды, ноутбуки и айподы
Осыпаются в тайгу.

Вслед за стражей – танцовщицы, симпатичные девицы
Разодеты! Прямо срам!
Раздают кроссовки «Пума» и спортивные костюмы
Захмелевшим мужикам.

Пестрой тучей вьются слуги и, краснея от натуги,
Разгружают на ходу
Пылесосы, бритвы, щетки, рис, тушенку, сковородки
И другую ерунду.

В небе ветер тучи гонит и святые нимбы клонят,
Благосклонно глядя вниз,
Ведь на нимбах не случайно золотится «Мейд ин Чайна»,
Что стоишь? Перекрестись!

Русь святая-испитая, поднимайся из грязи!
К нам приехал из Китая император Мин Фу Цзи!

СИНИЧКА

Вены березовых веток
В льдистой апрельской лазури.
Небо на западе где-то
Тучи суровые хмурит.

Шепчет река-невеличка,
В берег зарылась, кокетка.
Малая птичка-синичка,
Как золотая монетка.

Бойкая теплая птаха,
Пуха и перьев комочек,
Талого снега рубаху
Штопает нитками строчек.

Что ей до хмурого неба?
Что ей сомненья и страсти?
Малая толика хлеба,
Вкусное птичье счастье.

НА ТРОИХ

Гольфстрим остывает. Такие дела.
Над Лондоном реют знамена метелей.
От холода ржет, закусив удила,
Саксонская лошадь в английской постели.

В Вестминстерском мебелью топят камин,
Прислуга под брюками носит колготки.
Принц Чарльз, Гарри Поттер и старый раввин
В парламенте пьют контрабандную водку.

Закончится, – дело дойдет до вина.
Над ними Биг Бен – замороженный пенис.
На пляжи Фолькстона приходит волна
И вдруг застывает, обиженно пенясь.

Спит Темза, в объятьях зеленого льда
Винты кораблей и опоры причалов.
Тропой Трафальгара проходит звезда,
Что некогда путь морякам освещала,

А ныне бессмысленно тычет лучом
В стеклистую наледь на каменных плитах.
Дежурный атлант подпирает плечом
Постылую массу наследия бриттов.

На снежной равнине, безлюдной вполне,
Печать Стоунхенджа и камни по кругу,
Как древние рыцари в тяжелой броне,
Безмолвно встречают великую выюгу.

А мы, как обычно, на кухне втроем –
Огурчики, сало, перцовка потеет.
Пускай говорят, что без повода пьем, –
Гольфстрим остывает! Чего ж вы хотели?

РАКЕТА

Его еще не забыли.
Соседи расскажут вкратце,
Как рылся в автомобиле,
Ходил на канал купаться.

Нескладный, худой, лохматый,
Одежда, как на чужого.
Едва ли он был солдатом
И вовсе не пил спиртного.

Работал по будням в книжном,
В субботу играл на флейте,
Чудак с бородой рыжей.
Его обожали дети.

Он часто вставал до света,
И что-то на крыше строил, –
Антенну, маяк, ракету?
Из жести неладно скроенную.

За это его ругали,
А он лишь молчал угрюмо.
Милицию вызывали,
Писали доносы в Думу.

И вот, дождались, накликали
Беду, что давно витала.
Флейтиста – на время в клинику,
Ракету – в прием металла.

На утро в подъезд загаженный
Явились медбратья дюжие,
Здорового быта стражники,
Вязать и спасать недужного.

Вломились, а он – на крышу,
В ракету, и люк захлопнул.
Потом приключилась вспышка,
И стекла в подъезде лопнули.

Что было? Одни догадки.
Пресс-центр объяснить не может,
В газете писали кратко,
Мол, был смутян уничтожен.

Но правды никто не знает,
Лишь только расскажут дети,
Что рыжий флейтист играет
Теперь на другой планете.

Конечно, детям не верили,
Но факт оставался фактом:
Случайно или намеренно
Чудак запропал куда-то.

Ушел, а внизу остались
На кухнях пустые споры
И жизнь с эпилогом «старость»,
Из длинной цепи повторов.

Работа, зарплата, отдых,
Орбиты колец кружение
И небо над крышей в звездах,
Как вызов... как приглашение.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. В. Харитоновъ. «Мы ЗДЕСЬ!»</i>	3
Точка зрения.....	5
Пятнашка	6
Миграция.....	7
Последнему королю	8
Полёт в метро.....	9
Альбатрос	10
Кашалот	11
Ледяной дождь	12
Тюремщик	13
Вальс листа.....	14
Парижский экспромт	14
Упыриное утро	15
Здесь	16
Созвучья	17
Скрытый огонь	18
Пицца-поэзия	18
Обычный человек	20
Тем, кто в пути.....	23
Белый стих.....	24
Илла	25
“В чашу янтарную падают слёзы...”	26
Скрипач.....	27
“Когда Селена в небе высоко...”	28
“Крыши вышиты бисером...”	29
Знакомьтесь: Метромт! (экспромт, родившийся в метро).....	30
Они.....	31
“У худых стариков заострившиеся носы...”	32
Вино и чай	33
Дружба народов	34
Синичка	35
На троих.....	36
Ракета	37

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха "СЛОВЕСНОСТЬ"

Николай Валерьевич Калинин
КАШАЛОТ
Стихотворения

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная вёрстка — Марина Кива
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 22.09.2013
Подписано в печать 10.10.2013

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75